

УДК 811.511.131

С. А. Максимов

**ВОЗМОЖНОСТИ И ПУТИ ОБОГАЩЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ЛЕКСИКОЙ
МАРГИНАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ**

(на примере удмуртского языка)

Характерной особенностью истории становления и развития литературного удмуртского языка является вовлечение в этот процесс с самого начала не одного, а многих диалектов. Из них общенародный язык вбирает прежде всего такие языковые единицы, которые известны достаточно широкому кругу носителей языка. В статье на многочисленных примерах из удмуртского языка рассматриваются возможности и пути обогащения литературного языка материалом окраинных диалектов, которые, в силу их маргинального положения, не задействованы или слабо задействованы в процесс языкового строительства.

Ключевые слова: удмуртский язык, литературный язык, маргинальные диалекты, лексика, обогащение литературного языка.

Как известно, диалекты являются одним из источников обогащения литературного языка. Из них общенародный язык вбирает прежде всего такие языковые единицы, которые известны достаточно широкому кругу носителей языка. Характерной особенностью истории строительства литературного удмуртского языка является вовлечение в этот процесс с самого начала не одного, а многих диалектов. Например, уже в первой грамматике удмуртского языка (1775 г.) наряду с южноудмуртскими словами присутствует лексика, характерная для северных удмуртов [см.: 4]. XIX век, особенно начиная с его середины, отмечается оживленной деятельностью по переводу церковной литературы на удмуртский язык. Среди прочих книг были переведены Евангелия на несколько разных диалектов. При этом переводы осуществлялись таким образом, что к узкодиалектным словам или формам давались пояснения в виде слов или форм из других диалектов. В результате Евангелие, написанное, например, на казанском диалекте (периферийно-южный диалект), на практике могли понять также носители других диалектов, например, глазовского (северное наречие).

После Октябрьской революции было принято решение о создании для удмуртов единого литературного языка. По поводу выбора диалектной базы велись бурные споры, в которых победило мнение Д. В. Бубриха о том, что в качестве

диалектной основы удмуртского языка «надо выбрать северные диалекты, но не крайнюю северную их часть, а ту, которая приходится на среднюю часть Удмуртской области» [2. С. 8]. В результате работы экспедиции в окрестностях с. Зуры (ныне Игринский район) и прилегающих территориях, фонемный состав, фонетическое оформление слов были ориентированы на южную группу говоров северного наречия, близкие к срединным говорам и большинству удмуртских диалектов [см.: 2. С. 8–28].

В лексическом плане в ходе строительства удмуртского литературного языка придерживались постулата об использовании богатства всех диалектов. В результате в литературный язык для выражения одного и того же понятия вошло много дублетных слов. В первую очередь это касается параллельных заимствованных слов, которые в южное наречие или южную диалектную зону проникли из татарского языка, а в северное наречие или северную диалектную зону – из русского, например: *буёл* < юж. // *краска* < сев. сред. ‘краска’, *бычкы* < юж. // *пила* < сев. сред. ‘пила’, *кагаз* < юж. // *бумага* < сев. сред. ‘бумага’, *кияр* < юдз. // *огреч* < сдз. ‘огурец’, *сэндра* < юдз. // *полать* < сдз. ‘полать’, *урам* < юдз. // *ульча* < сдз. ‘улица’, *чия* < юж. // *вишня* < сев. сред. юж. ‘вишня’ и др.

Зачастую параллельно с татарским заимствованием южного наречия в литературном языке функционирует исконно удмуртское или болгарское слово (словосочетание) северной диалектной зоны: *дага* < юж. // *вал дурет* < сред. сев. ‘подкова’, *капка* < юдз. // *жэззы* < сев. ‘ворота’, *кисы* < юдз. // *жеп* < сев. ‘карман’, *кешыр* < юж. // *чужкушман* < сред. сев. ‘морковь’, *мактаны* < юж. // *ушьяны* < сев. сред. ‘хвалить’ и др.

Иногда в литературном языке сосуществуют три или даже четыре дублета, каждый из которых имеет достаточно широкий ареал употребления, например: *алданы* юж., *өрекчаны* сред., *пöяны* сев. сред. ‘обмануть, обманывать’; *бакча сульдэр* юж., *бакча суред* юж. сред., *курег кышкатон*, *куака кышкатон* сев. сред. ‘чучело огородное’; *сугон кальча* юж., *сугон шильы* сред., *сугон куар* сев. ‘луковое перо’ и др. В южной диалектной зоне, как правило, они являются татарскими заимствованиями, а в северной диалектной зоне – чаще исконными словами, а иногда русизмами. Некоторые дублетные ряды полностью представлены исконной лексикой, например: *кутэт*, *тэбет*, *возет* ‘пеленка’, *нюлэс*, *тэль*, *сик* ‘лес’ и т. п. Привлечение в литературный язык языковых единиц разных диалектов делало его более понятным и «более близким» для максимального круга удмуртского населения и способствовало сближению удмуртского народа.

С самого начала формирования общего литературного языка в него вместе с исконными удмуртскими словами и старыми заимствованиями привлекается множество слов, проникших в удмуртские диалекты из татарского языка. При этом наряду с широко известными татаризмами зачастую в литературный язык попадают и такие, которые имеют достаточно узкий ареал. Данное обстоятельство объясняется тем, что родным диалектом большинства творческой и научной интеллигенции как в начале XX в., так и в настоящее время является южное наречие, которое испытало сильное влияние со стороны татарского языка. С другой стороны, введение в литературный язык татарских заимствований оправдано тем, что удмуртами они чаще всего воспринимаются как исконные. Названное явление обусловлено сле-

дующими причинами: большинство удмуртов татарским языком не владеет, а фонетической облик татаризмов близок к удмуртским словам; в то же время русские заимствования в тексте и речи легко узнаваемы, фонетическая структура и в целом их внешний облик, особенно новых заимствований, заметно отличаются от исконных слов, в результате чего они носителями языка воспринимаются как чужеродные. Нужно отметить, что некоторые заимствования из русских диалектов, неизвестные для большинства удмуртов, также воспринимаются как исконные. Так, например, в литературном языке для выражения понятия «тезка», наряду с южноудмуртским татаризмом *адаш*, функционирует русское заимствование *паньтэм* (< рус. пантёма), известное в северной диалектной зоне, в то же время лексеме *т'оска* (*чоска*), бытующему в срединных говорах, в литературном языке места не нашлось.

С конца 1930-х гг. вплоть до перестроечного времени развитие лексики удмуртского языка шло преимущественно путем заимствования русизмов. С конца 80-х гг. прошлого столетия наметилась тенденция очищения удмуртского языка от неоправданно большого количества русских заимствований. Наряду с использованием средств литературного языка взоры снова были обращены к удмуртским диалектам. Но арсеналы срединных говоров и собственно южного диалекта удмуртского языка, которые в первую очередь поставляли материал для литературного языка, оказались практически исчерпаны. В такой ситуации появилась необходимость и возможность обогащения литературного языка материалом маргинальных (окраинных) диалектов.

В настоящей работе мы в первую очередь будем оперировать материалом говоров северного наречия. В указанном наречии, с одной стороны, лучше сохранились исконные языковые элементы, а также старые заимствования, воспринимаемые носителями языка как исконные. С другой стороны, в нем имеется тенденция создания новых слов путем использования внутренних ресурсов языка.

Еще до начала перестройки из северного наречия или северной диалектной зоны в удмуртский литературный язык вошли следующие лексемы: *букос* 'сугроб' < сдз. // др. диал., лит. *пельтэм* (*пуктэм*) *лымы* букв. 'наносной снег', *лымы пельтэм* (*пуктэм*) букв. 'снежный нанос'; *лекос* 'слишком, больно уж (разг.)' < сев. // др. диал., лит. *укур* (< ? тат.); *ношна* 'еще' < нч. сч. (*н*)*ышина*, бес. (*н*)*ышина* (ср. лит. *нош* 'снова') // др. диал., лит. *эшишо* (< рус.); *тырттэм* 'пустой' < сев. // др. диал., лит. *буш* (< тат.); *усьсэ* 'послезавтра' < сев. (< ? тат., ? чув) // др. диал., лит. *џуказе улыса*, *џуказе бере* и др.

Помимо собственно лексических заимствований были заимствованы отдельные значения слов или модели словоупотребления, например: *беренэс* 'попугай' < сч. *бэрэнэс* 'сова-пересмешник' // лит. *беренэс* 'упрямый, непослушный', 'шиворот-навыворот'. Данное название сова-пересмешник получила за способность имитации человеческой речи, что закрепилось в выражении *бэрэнэс кад'къл бѳрс'ь вэрас'кнъ* 'повторять за кем-либо как попугай (фактически: как сова-пересмешник)'. Впоследствии переносное значение было осмыслено в качестве названия птицы попугая, и в такой функции оно проникло в литературный язык. Еще примеры: *џечбур* 'здравствуй' < сев. // др. диал. *џечбур* 'добро, доброта' (ср. слова приветствия в др. диалектах: *чырткем*, *умой*, *џеч*); *юн* 'очень' < сев. *йун* 'крепкий, прочный', 'очень' // др. диал. *йун* 'крепкий, прочный'.

С началом перестройки наметилась тенденция обновления языка, в связи с чем литературный язык стал пополняться неологизмами, многие из которых ранее употреблялись в диалектах как обычные слова. Так, из маргинальных диалектов были привлечены, например, такие слова: *азьмурт* ‘президент’ < сев. ‘старший поезжанин на свадьбе’; *борзем вал* ‘верховая лошадь’, *боржемен* ‘верхом (на лошади)’ < сев. шшм. ккм. // др. диал., лит. *буш вал* букв. ‘пустая лошадь’; *гöп* ‘буран’, *гöпаны* ‘подняться – о буране’ < нч. сч. бес. шшм. // юж., лит. *буран* (< тат.); в большинстве диалектов и в литературном языке данное понятие передается одноличным глаголом *пелляське* ‘вьюжит’ или (*куазь*) *жоба* ‘поднялся буран, идет снег (при ветре)’, ‘идет дождь (при ветре)’.

Ниже мы приводим слова и словосочетания, которые могут быть использованы в литературном языке таковыми или после фонетической и/или морфологической, иногда семантической адаптации.

вискатыса вэрас'кыны шг. ‘говорить (разговаривать) с гортанным смыком’ (букв. ‘говорить (разговаривать), прерывая’). Гортанный смычный (гамза) употребляется в большинстве периферийно-южных говоров, а также в среднеюжном, отчасти и в некоторых других говорах собственно южного диалекта. Общепринятое название данному явлению в удмуртском языке отсутствует. Но некоторые представители удмуртской интеллигенции образовали по русской модели глагол *гамзить карыны*, хотя глагол *гамзить* в русском языке не существует. Для обозначения гортанного смыка мы предлагаем использовать термин *вискатон* букв. ‘прерывание’, являющийся производным от глагола *вискатыны* ‘прерывать’ (ср. лит. *висатыны* < *вис(к-)* ‘промежуток; перерыв, пауза’), а для знака гортанного смычного предлагаем термин *вискатон пус*.

котырэс пукыны сч. (Помаюг), *котырэс пукынь* сч. (Дондыкар) ‘сидеть, поджав ноги под себя, сидеть по-турецки’ (ср. общеудм. *котырес* ‘круглый’ + *пукыны* ‘сидеть’). Данное понятие возникло в связи с обычаем населения д. Золотари и окрестных деревень Глазовского района во время отдыха сидеть, поджав ноги под себя’; > лит. *котырес пукыны* ‘сидеть по-турецки’.

мэчък, бизэр мэчък сч., *мачит* юж., *мйчит* пю. ‘мечеть’ (< тат.); > лит. *мечык, мачит* ‘мечеть’.

чуж узвэс' сч. (Ниж. Кузьма) ‘латунь, желтая медь’ (букв. ‘желтый свинец’) // др. диал., лит. (*туй*) *ыргон, туй* ‘тж’; ср. (*сьод*) *узвесь* ‘свинец’, *тöды узвесь* ‘олово’ (букв. ‘белый свинец’), *луло узвесь* ‘ртуть’ (букв. ‘живой свинец’). Поскольку в литературном языке термин для латуни уже имеется, композиту *чуж узвэс* или *туй узвэс* предлагаем использовать для обозначения бронзы.

Отдельно можно выделить группу слов, связанных с обозначением мастей животных и оперением птиц.

куско (эгэсо) чьртъ сч. (Дондыкар) – название птицы (обычно гуся), у которой на шее оперение в виде темного кольца < *кус(к-)* ‘пояс, поясница, талия’ / *эгэс* ‘обруч, обод’) + *-о* (суфф. обладания) + *чьртъ* ‘шея’ (букв. ‘шея с поясом (обручем)’); > лит. *куско (эгэсо) чьрты*.

мышвьл'л'о сч. – масть коровы: ‘черная корова с белой полосой вдоль спинного хребта’ < *мыш* ‘спина’ + *вьлй* ‘верх; верхний’ + *-о* (суфф. обладания); > лит. *мышвьльё (скал), мышвьлйё (скал)*.

палбурд сч. – название (домашней) птицы, у которой оперение одного из крыльев отличается от основного оперения, например, серый гусь с одним белым крылом или белый гусь с одним серым крылом < *пал* ‘один из двух, непарный’ + *бурд* ‘крыло’ (букв. ‘одно крыло, однокрылый, «однокрылка»)»; аналогично в удмуртском языке образовано слово *палбам* – кличка животного, у которого, одна из щек отличается окрасом, букв. ‘однощекий’.

шыр гонйэм (вал) сч. (Андрейшур); *шыр гон'н'эм (вал)* сл. [1. С. 5] ‘мышастый (конь, лошадь), мышастой масти (о лошади)’ // др. диал., лит. *пурысь вал* букв. ‘серая лошадь’. Указанное сочетание состоит из слов *шыр* ‘мышь’ и *гонйэм* ‘с шерстью, -шерстный’, и безусловно, является калькой из русского. Оно понятно для любого носителя удмуртского языка. Данное сочетание удобнее термина *шыр тусъем*, встречающегося в некоторых диалектах, поскольку последний может означать также ‘мышевидный, похожий на мышь’.

Термины, связанные с пчеловодством.

бан ут'он сп. (Удм. Сурвай), *бан воз'эт* сп. (Мал. Полом), ‘сетка (пчеловода)’. Первое сочетание состоит из слов *бан* ‘лицо’ и *ут'он* – имя действия от глагола *ут'ыны* ‘беречь; охранять, защищать’. Сочетание *бан ут'он* буквально означает ‘то, чем защищают лицо. Во втором сочетании слово *воз'эт* (< глаг. основа *воз'* – ‘держат; удерживать’ + *-эт*) буквально означает ‘то, что удерживает, то, чем удерживают’. В литературном языке пчеловодную сетку можно обозначать композитой *бам утён* или *бам утет*.

пэз'ас' муш сп. ‘пчела-разведчик’. Определительное слово в данном сочетании является действительным причастием от глагола **пэз'аны*, который, по-видимому, родственен глаголу *пезьдыны* ‘отскочить, отлететь, отделиться’.

чэчь тийан вьйкь сч. (Ниж. Кузьма). Данное сочетание состоит из трех слов: *чэчь* ‘мед’, *тийан* ‘откачка’, *вьйкь* ‘кадка, кадушка’ – и дословно означает ‘кадка для откачки меда’. В литературном языке для обозначения медогонки возможно употребление сочетания *чечы кыскон вышкы*, в котором вместо *тийан* (< *тийаны* букв. ‘ломать’) использовалось бы слово *кыскон* (< *кыскыны* ‘вытягивать; откачивать’).

чынатон сч. (Андрейшур), *шьн поттон* бес. (Юнда) ‘дымарь’. Первое слово является производным от глагола *чынатыны* ‘окуривать; коптить’ и буквально означает ‘то, чем окуривают’. Дословное значение сочетания *шьн поттон* – ‘то, чем производят дым’. Оба варианта могут быть использованы в литературном языке для обозначения дымара в формах *чынатон* и *чын поттон*.

Большинство приведенных терминов образовано с помощью словосложения, а некоторые из них являются заимствованиями. Нужно отметить, что в северном наречии (и в северной диалектной зоне) многие общеудмуртские словообразовательные суффиксы имеют несколько выше продуктивность, чем в литературном языке. В частности, более высокую продуктивность именного словообразовательного суффикса *-эт* в среднечепецком диалекте отмечает Л. Л. Карпова [3. С. 99]. Ниже приведем примеры слов, образованных спомощью суффиксов *-ос*, *-(й)эс*, *-а*, *-эд*, *-(к)ыт*, *-мыт*, *-он*, которые могли бы найти место в литературном языке.

бьрэд, йё бьрэд сч., *брэд* бес. ‘наледь’ (*йё* ‘лед’) // др. диал., лит. *бырдам*, *йёкурам* ‘обледеневший, покрытый наледью’, ‘наледь’. Последние два слова

являются причастиями и именами действия от глаголов *бырданы*, *йöкуруны* ‘обледенеть, покрыться наледью’. Глагол *бырданы*, по-видимому, происходит от существительного *быред* ‘наледь’, которое образовалось еще в общепермское время (ср. к. *бырöд* ‘тж’ [5. С. 34]) и некогда было представлено во всех удмуртских диалектах. Для литературного языка приемлемы формы *быред* и *йöбыред*.

йичы-йуж срв., *йичьмът* сч. (Дондыкар), *йичы* сриж. ‘оранжевый’ < *йичы* ‘лиса’ + *йуж* ‘желтый’, *йичы* ‘лиса’ + *-мът* (модерат. суфф.) букв. ‘лисоватый, лисьего цвета’ // лит. *гордалэс-йуж*, *гордмът-йуж* букв. красновато-желтый’, *нап-йуж* букв. ‘густо-желтый’; > лит. *йичы-йуж*.

йьгдос бес., *йьгдос* юж. ‘рассадник’ < *йьгд-* (глагол. основа) + *-ос* букв. ‘то, что освещается’ (ср. лит. *югдыны* ‘светать, рассветать; светиться’) // др. диал. *расада* (уд) *йаишиик* ‘рассадник’. Общепринятого названия для рассадника в удмуртском языке не существует, поэтому указанное бесермянское слово в форме *югдос* можно использовать для обозначения рассадника и парника или даже теплицы.

куайэс сч. вч. ‘усадьба, хозяйство, двор’ < *куа* ‘хижина, постройка’ + *-йэс* // ср. лит. *юртьер* ‘надворная постройка; дом, изба; двор, жилище, усадьба’ (< тат.); > лит. *куаес* ‘усадьба, хозяйство, двор’; примеры: *та гуртын витьтон куаес* ‘в этой деревне 50 дворов (хозяйств)’; *эитослэн шор куаесэз* ‘центральная усадьба товарищества’.

палос (*палос(к)-*) сч. (Андрейшур) ‘сторона, местность, край’ < *пал* ‘сторона’ + *-ос*; *мон пöртэм палосйосын ули* ‘я в разных местах (краях) жил(а)’. В литературном языке возможно употребление данного слова со значением ‘направление’.

чил’а сч. ‘блестка’, *чил’аос* ‘блестки’ < *чил’* + суфф. *-а*; ср. лит. *чиль-валь*, *чили-вали* – наречно-образительные слова, передающие переливы красок, сверкание на солнце, *чилианы* ‘блестеть’.

чэброс сч. бес. ‘осторожно’, *чэброс* (*вэтлы*)! ‘будь осторожен (в пути), береги себя’, ттш. *чэбэр* ‘осторожно’. Указанные слова восходят к общеудмуртскому *чебер* ‘красивый; красиво’. В диалектах и литературном языке понятие «осторожно» передается деепричастиями *эскериськыса*, *чакласькыса*, *шöдскыса* ‘остерегаясь, осмотрительно, осторожно’.

йушэт сч., *йушылон* вч. ‘резинка стирательная, ластик’; общеудм. *йушет* ‘тряпка (для вытирания)’, букв. ‘то, чем стирают, вытирают, то, что служит для вытирания’ происходит от глагола *йушыны* ‘стереть, вытереть’, *ки йушет* ‘полотенце для рук’; *йушылон* является производным от многократного глагола *йушылыны* ‘стирать, вытирать’. Таким образом, указанные существительные в литературном языке можно использовать также для обозначения стирательной резинки.

Описывая суффиксальное образование слов, отдельно остановимся на суффиксе *-н’и*, который в территориальном отношении распространен в нижне-, средне- и частично верхнечепецком диалектах северного наречия и бесермянском наречии (в последнем – в форме *-н’иг*). Данный суффикс присоединяется к имени действия на *-(о)н* и образует существительные, обозначающие место действия, например: *вэтлон’н’и* ‘место, где ходят, дорожка’ < *вэтлон* ‘хождение, ходьба’, *кутон’н’и* ‘место, за которое хватают, ручка; место поимки’ < *кутон* ‘хватание; поимка’ и т. д. Подобные слова в последнее время активно входят в литературный язык. Описываемый суффикс в диалектах имеет очень высокую продуктивность:

новое существительное на *-ни (-н'и)* можно получить практически от каждого глагола, образовав прежде от него имя действия. Указанная группа слов в литературном языке может употребляться:

а) вместо заимствованных слов: *сиськонни* 'столовая' (ср. *сиськыны* 'есть, кушать') в м. *столовой*; *йыр чышконни* 'парикмахерская' (ср. *йыр чышкыны* 'постригать голову (волосы)') в м. *парикмахерской*; *пыдкук тупатъянни* 'обувная мастерская, «ремонт обуви»' (ср. *пыдкук тупатъяны* 'чинить обувь');

б) вместо составных наименований: *кõланни* 'место ночевки, спальня' в м. *кõлан инты* (*инты* 'место'), *улонни* 'место жительства; квартира' в м. *улон инты*; *сыръянни* 'топь, зыбь, зыбучее место' в м. *сыръясь инты*;

в) в более конкретном значении, разгружая семантическую нагрузку многозначных отглагольных имен на *-(о)н*: *пыронни*, *пыранни* 'вход', ср. *пырон* 'вхождение, заход; вступление; вход' и др.

Некоторые слова, обозначающие реалии сельской местности, из-за внутренней формы не приемлемы в городских условиях, например, кухню южные удмурты называют *кышнопал* букв. 'женская сторона', а северные – *гуразьпал* букв. 'предпечная сторона'. Но в языке северных удмуртов имеется еще слово *пõранни* букв. 'место, где стряпают, готовят' (ср. *пõраны* 'стряпать, готовить'), которое пригодно для обозначения любого типа кухни. Приведем еще некоторые примеры, зафиксированные в диалектах, и которые могут быть использованы в литературном языке: сч. *пу вандон'н'и* 'место распиловки дров; козлы для распиловки дров', ср. *пу вандыны* 'пилить дрова'; *плас'кон'н'и* сч. 'пляж', ср. *плас'кõнь* / лит. *пыласькыны* 'купаться, умываться'; сл. *пудо воз'ман'н'и* 'поскотина', ср. *пудо воз'маны* 'пасти скот', сл. (*пудо*) *с'удон'н'и* 'место кормления (скота); кормушка', ср. *с'удыны* 'кормить' и др.

Фонетическая дифференциация (фонетическое обособление) как способ образования новых слов в удмуртском языке встречается довольно редко. Исследуемая ниже пара слов может послужить примером дифференциации двух омонимов. В большинстве диалектов и литературном языке употребляются омонимы *кызь* '20' и *кызь* 'моча'. В южном наречии в корне последнего слова выступает гласный *и* – *киз*' 'моча'. Попытка подобной дифференциации sporadически обнаруживается и в речи представителей удмуртов, говорящих на среднечепецком диалекте, хотя звукопереход *ы > и* для северного наречия нехарактерен. В бесермянском наречии данные слова различаются следующим образом: бес. *кыз*' '20' / *куз*', *күз*' 'моча' // сч. *кыз*', *кыз*', *кыз*' '20' и 'моча'. Несмотря на то что в бесермянском наречии вместо литературного *ы* в целом употребляется заднерядный гласный *ь*, в слове *кыз*' '20' произносится литературный вариант *ы*, для того чтобы он не ассоциировался с лексемой *кыз*' 'моча', употребляемой в речи соседствующих с бесермянами удмуртов. Таким образом, и в литературном языке с целью благозвучия было бы целесообразно дифференцировать эти два омонима: *кызь* '20' и *кизь* 'моча'.

В маргинальных диалектах многие лексемы, широко известные носителям языка, могут употребляться в ином значении или иметь более широкую семантику. Такие лексические единицы, точнее их значения, также могут быть использованы в общенациональном языке. Примерами подобного использования слов могут послужить следующие удмуртские лексемы.

жыл'и сл. 'цепь, цепочка', 'замок-молния' / др. диал., лит. *жилы* 'цепь, цепочка'. В литературном языке аналогично слободскому слову возможно употребление лексемы *жилы* для обозначения замка-молнии, при этом для дифференциации с понятием «цепь, цепочка» предлагаем использовать его в составе композиты *жилы бирзет* или *жилы замок*, где *бирзет* означает 'пуговица, застежка': *жилы бирзетэн куртка* 'куртка с замком-молнией'.

зон сев., *вуж зон* нч. сч., *кӧс зон* сч. 'прошлогодняя нескошенная трава' (ср. также: *узон турын* диал. 'прошлогодняя трава' [б. С. 444]) / лит., сред. *зон* 'гарь'. В литературном языке отсутствует общепринятое название прошлогодней нескошенной травы. Имеющиеся в диалектах обозначения чаще всего являются громоздкими, ср. например: срв. *кыл'эмарынала (мимала) турын* букв. 'прошлогодняя трава'. Поскольку в некоторых срединных и бесермянских говорах слово *зон* без определительных компонентов используется для обозначения гари, прошлогоднюю нескошенную траву предлагаем именовать сочетанием *вуж зон* или же *зонтурын*.

зэз'ы (*зэз'ъ, зэз'би*) сев. срв. 'ворота' (нч. вч. срв.), 'калитка' (сч.) / общеудм. *зезы* 'ворота из жердей'. В литературном языке понятие «калитка» выражается сочетанием *пичи капка* или *пичи зезы* букв. 'маленькие ворота'. Поскольку прежнее значение слова *зезы* – 'ворота из жердей' постепенно передается забвению, а значение 'ворота' распространено не столь широко, в литературном языке для обозначения калитки, наряду с композитой *пичи капка*, предлагаем использовать слово *зезы*.

кылыктэм сч., *кылыктэм* срв. 'бестактный, неумеющий разговаривать (вести себя) с людьми' / срз. *кылыктэм* 'бесхарактерный', вч., лит. 'непослушный, озорной, шаловливый' (< тат.). В литературном языке словом *кылыктэм* можно выражать понятие «бестактный».

В числе лексики, исследованной в настоящей работе, мы привели обозначения некоторых понятий, отсутствующих в литературном языке, но вполне могли бы пополнить его. Указанными понятиями богатство маргинальных диалектов не исчерпывается. Для иллюстрации приведем, например, термины для выражения временных отношений (примеры из северного наречия): *чикын* 'недавно (пару-три часов назад), давеча (обл.)'; *чикнала* 'недавнешний (произошедший пару-три часов назад)'; *тиз'нал, тоз'нал* 'на днях, несколько дней тому назад, напередни (обл.)'; *тиз'нала, тоз'нала* 'произошедший на днях, несколько дней тому назад, напередни (обл.)'.

Суффикс *-эс*, в отличие от литературного языка, в среднечепецком диалекте может присоединяться к отглагольным именам на *-(о)н*, образуя прилагательные: *йуонэс* 'желающий (жаждущий) пить', ср. общеудм. *юыны* 'пить', *с'ийонэс* 'желающий (жаждущий) есть', *с'эрэкианэс* '(безудержно) смеющийся'. Приведенные примеры, в том числе и образованные с помощью суффикса *-эс*, которые имеют прозрачную этимологию, вряд ли могут закрепиться в литературном языке, поскольку относятся к маргинальной лексике, и выражаемые ими понятия при необходимости могут быть переданы описательно. Недаром и в русском языке понятия, выражаемые указанными лексемами, передаются составными наименованиями или диалектными (разговорными, просторечными) словами.

Для того чтобы какая-либо лексема (или другая языковая единица) маргинального диалекта нашла место в литературном языке, необходимы определенные условия. К таковым нужно отнести, в частности, следующие.

1) Ареал лексемы должен быть достаточно широк.

2) Семантика слова или внутренняя форма композиты должны быть понятны носителям других диалектов, или корень слова должен вступать в ассоциативный ряд с однокоренными словами литературного языка. Например, северноудмуртское слово *žечбур* как приветствие не просто нашло место в литературном языке, но и используется как приветствие в официальной обстановке, в средствах массовой информации; данное слово, скорее всего, не имело бы успеха, если бы в других диалектах у него не было бы значения 'добро, благополучие'. Сочетание *čуж узвьесь* 'бронза' (букв. 'желтый свинец') может также ужиться в литературном языке, поскольку, во-первых, имеет прозрачную внутреннюю форму, во-вторых, оно входит в группу названий металлов, вторым компонентом которых является слово *узвьесь*.

3) Понятие (реалия) отсутствует в других группах диалектов или для его обозначения используется позднее (новейшее) заимствование: *вискатыса вераськыны* 'говорить с гортанным смыком', *котырес пукыны* 'сидеть по-турецки', *мышвыльё (скал)*, *мышвылийё (скал)* 'черная корова с белой полосой вдоль спинного хребта'.

4) Диалектное слово должно быть удобно как термин, т. е. должно быть точным, немногозначным, желательно кратким, ср. сдз. *букос* 'сугроб' // др. диал. *пельтэм (пуктэм) лымы* букв. 'наносной снег'; сч. *вуж зон* 'прошлогодня нескошенная трава' // др. диал. *кылемарынала (мимала) турын* букв. 'прошлогодня трава', *вуж турын* букв. 'старая трава'; срв. *žичы-čуж* 'оранжевый' // лит. *гордалэс-čуж, гордмыт-čуж* букв. 'красновато-желтый', *нап-čуж* букв. 'густо-желтый'.

Как показывает практика сторительства удмуртского литературного языка, общенациональный язык может обогащаться не только за счет центральных, но и периферийных диалектов. Для того чтобы утвердиться в литературном языке, диалектному слову необязательно соответствовать всем названным выше условиям. Наиболее важными, на наш взгляд, являются два первых. Понятно, что чем большим условиям удовлетворяет лексема маргинального диалекта, тем у него больше шансов утвердиться в литературном языке.

СОКРАЩЕНИЯ

бес. – бесермянское наречие; *бт.* – буйско-таныпский говор; *булг.* – болгарский язык; *вч.* – верхнечепецкий диалект; *диал.* – диалекты, диалектное; *ккм.* – кукморский говор; *лит.* – литературная форма; *общеудм.* – общеудмуртская форма; *пю.* – периферийно-южный диалект; *сдз.* – северная диалектная зона; *сев.* – северное наречие; *сл.* – слободской говор; *сп.* – сурвайско-поломский говор (среднезападный диалект); *срв.* – средневосточный диалект; *сред.* – срединные говоры; *сриж.* – среднеижский диалект; *сч.* – среднечепецкий диалект; *тат.* – татарский язык; *ттиш.* – татышлинский говор; *удм.* – удмуртский язык; *шг.* – шагиртско-гондырский говор; *шим.* – шошминский говор; *юдз.* – южная диалектная зона; *юж.* – южное наречие.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Архипов Г. А.* Деривационные аффиксы имен в слободском говоре удмуртского языка // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / АН СССР. УрО. УИИЯЛ. Ижевск, 1990. С. 3–13.

2. *Бубрих Д. В.* Из результатов работ удмуртской лингвистической экспедиции 1929 г. // Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка: Сб. научн. тр. / РАН. УрО. Удм. ИИЯЛ. Ижевск, 1992. С. 3–28.

3. *Карпова Л. (Л.)* Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. 224 с.

4. Сочинения принадлежация къ грамматикѣ вотского языка. Въ Санктпетербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. 113 с. [В кн.: Первая научная грамматика удмуртского языка / Удм. НИИ ист., экон., лит. и языка при Сов. Мин. УАССР. Ижевск: Удмуртия, 1975. 15 + 113 + 17 с.]

5. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов: Ок. 25000 слов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачёва; Под. ред. В. А. Сорвачёвой. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1961. 492 с.

6. Удмуртско-русский словарь: Ок. 35000 слов / А. С. Белов, В. М. Вахрушев, Н. А. Скобелев, Т. И. Тепляшина; Под ред. В. М. Вахрушева; НИИ при Сов. Мин. УАССР. М.: Рус. яз., 1983. 592 с.

Поступила в редакцию 21.11.2014

S. A. Maksimov

Opportunities and ways of enriching the literary language with vocabulary of marginal dialects (on example of the Udmurt language)

A characteristic feature of the history of formation and development of literary Udmurt language is engagement in this process from the beginning not one but many dialects. National language incorporates firstly such language units, which are known for a wide range of native speakers. In the article on the numerous examples of the Udmurt language possibilities and ways of enriching the literary language with material of outlying dialects are examined. These dialects owing to their marginal position are not involved or insufficiently involved in the process of language construction.

Keywords: the Udmurt language, literary language, marginal dialects, vocabulary, enrichment of the literary language.

Максимов Сергей Анатольевич,

кандидат филологических наук,
Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН
426004, Россия, г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
E-mail: makser02@yahoo.com

Maksimov Sergey Anatolyevich,

Candidate of Sciences (Philology),
The Udmurt Institute of History, Language and Literature
of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences
426004, Russia, Izhevsk, Lomonosov St., 4
E-mail: makser02@yahoo.com